

УДК 81-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-87-95

«МЕЧТА» И «СУЕТА» В ПОЭЗИИ РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА: ЛОГИКА СХОЖДЕНИЙ И РАСХОЖДЕНИЙ*

Иваницкий А.И.

Российский государственный гуманитарный университет

125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация

Аннотация. В статье показывается, что взаимоотношения концептов «мечты» и «суеты» в поэзии сентиментализма отразили эволюцию связей последнего с просветительским «первоисточником». Наделив цивилизацию негативными признаками «мечты» и «суеты», сентиментализм впоследствии распространил их на мир в целом, включая обожествляемые им прежде Природу и любовь. Однако, сделав поэтическую «мечту» орудием сентименталистского постижения природы, сентиментализм превратил её в источник цивилизации и антипода «суеты».

Ключевые слова: суета, мечта, свет, сентиментализм, просвещение, поэзия, любовь, природа.

“DREAM” AND “VANITY” IN THE RUSSIAN SENTIMENTAL POETRY: LOGIC OF THE CONVERGENCE AND DIVERGENCE

A. Ivanitskiy

Russian State University for the Humanities

6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation

Abstract. It is shown in the article, that the relationships between the “dream” and the “vanity” in the Russian sentimental poetry are reflecting the evolution of its bonds with the enlightenment ideology. Having given the civilization, the negative signs of the “dream” and the “vanity” sentimentalism had later expanded them to the world as the whole, including nature and love. But having identified the poetical “dream” as the key to nature’s perception, the sentimentalism had transformed “dream” in the source of the civilization and the opposite of the “vanity”.

Key words: vanity, dream, light, sentimentalism, enlightenment, poetry, love, nature.

Взаимоотношение мотивов «мечты» и «суеты» в поэзии сентиментализма отражает, как представляется, эволюцию его картины мира. Важно иметь в виду, что, хотя исторически сентиментализм стал коррекцией просветительской модели мира и поведения, сами поэты сентименталистского направления вышли именно из неё. Поэтому эволюция носила во многом личностный характер и состояла не в смене ключевых концептов, но, скорее, в смещении смысловых

* Работа выполнена по программе гранта РФФИ № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь».

© Иваницкий А.И., 2017.

акцентов в них. А обращение к общему фонду расхожих поэтических мотивов приводит к тому, что логическое движение не всегда совпадает с хронологическим.

В просветительском классицизме довлеющие друг другу «мечта» и «суета» означали, соответственно, праздное фантазирование, отвлекающее человека от реальности, и столь же праздное (бесполезное) деяние – прежде всего, угождающее телесным страстям:

...Смертный суетен родился / И на веки осудился

Суетой себя прельщать; / Он чувствителен, он страстен... [7, с. 119].

Сердце – верный советник человека в выборе между «суетами» и «пользой»:

...Между сует... / Я стану только слушать [...]

...Что мне вещает сердце: / “Люби... науки, / А паче добродетель!

Люби ты общу пользу...” [10, с. 76-79].

И музу Херасков благодарит за то, что «...Суеты мирские гонишь / От моих смущённых мыслей...» [10, с. 88-89].

Однако в условиях кризиса идеалов Просвещения на рубеже XVIII – XIX вв. в «Послании Александру Алексеевичу Плещееву» (1794) Карамзин, в русле канонических для сентиментализма «Метаморфоз» Овидия, объявляет «суетами» любые социальные устремления (власть, славу, богатство) и отсюда – цивилизацию в целом. Явление «сует» в мир составляет сентименталистское понимание перехода «золотого века» в «железный»:

Судьбы рекли: “Да будет свет / Жилищем призраков, сует...”

...Одни престолов захотели, / Другие самых алтарей;

...мощными руками / Отверзли в землю тёмный ход,

Чтоб взять пригоршни светлой пыли!.. [6, с. 142-143].

Ср.: «...Живём, родимся с суетою, / Из света с ней выходим вон...» [8, с. 90]; «...Рождаемся мы с суетою, / Не знаем и живя покою...» [9, с. 198], поскольку – «...Суета есть идол мира...» [7, с. 119].

Эти «суеты» Карамзин и именуется «мечтами»: «...Мечты всем головы вскружили...», – поскольку побуждают людей преследовать цели, не стоящие осуществления. Это и переходит из подтекста в текст в лирико-философской элегии Карамзина «Опытная Соломонова мудрость, или Мысли, выбранные из Экклезиаста» (1796):

...Как власть и слава ненадёжна! / И мы хотим мечтам служить,

Любить, чего любить не должно, / Искать, чего найти не можно!.. [6, с. 201. Здесь и далее курсив мой – А.И.]

В этом контексте «мечты» как «суеты» выступают в лирике Карамзина социоисторической актуализацией бесовского искушения людского рода: «Чёрная кровь возмущала / Ночи мои... / Адской мечтой...» («Выздоровление», 1790), [6, с. 80]. Именно «инфернальная» (апокалиптическая) подоплёка явившихся «сует» толкает людей к злодеяниям – «...пороки, подлость, лезть, / Которых цель есть суетная честь...» [6, с. 104].

Это обуславливает программную для сентиментализма демаркацию мира в целом и человеческого естества. «Внешний» человек, живущий социальной и телесной жизнью («суетами») и краткосрочными «мечтами»:

«...Для суетных забав жизнь наша скоротечна...» [6, с. 314], – противопоставляется «внутреннему» (подлинному и упорядоченному): «...Сердечный звук столь тих, что он невнятен / В мятежных суетах...» [6, с. 290].

Главным же проявлением «несуетного» и «немечтательного» начал в человеке объявляется любовь: «... душа моя полна /...тобою, – / Другое кажется мне скучной суетою...» («Послание к женщинам», 1795), [6, с. 289].

В элегическом послании Карамзина «К Эмилии» (1802) земная любовь становится новым монопольным содержанием религии:

“...любовь ...такая / Есть небесная, святая!

Ум блестящий, красота / Перед нею суета” [6, с. 125];

...Он рай нашёл в глазах прелестных...

... Он умер – для сует житейских; / ...и зрит любовь одну

Во всём творении обширном... [6, с. 172].

Отсюда внутрочеловеческому» разграничению сопутствует общемировое. Цивилизации («свету» и прежде всего столице) как области химерических «мечтаний» и «сует»: «...Я ...в Москве обитаю, / В жилище сует...» [3, с. 117], – противопоставляется Природа – островок утраченного «золотого века», где только и возможна любовь:

...Мы в мире жить с собой могли, / Гнушаться издали пороком

И ясным, терпеливым оком / Взирать на... вихрь сует,

От... бури укрываясь... [6, с. 138].

Та же Природа – единственное поле «мечты» как интуитивного (и единственно подлинного) познания и самопознания. Особой формой таково-

го выступает «меланхолия» – как это объявляется в одноименной элегии Карамзина (1800):

...Пусть веселится свет / И счастье грубое в рассеянии новом

Старается найти: тебе в нём нужды нет;

Ты счастлива мечтой... [6, с. 260].

Однако в той же «...Соломоновой мудрости...» эти базовые для сентиментализма мировые / человеческие антиподы подвергаются подспудной, коренной ломке. Во-первых, атрибуты мирового зла, «мечты» и «суеты», предстают уже не соблазнами, привнесёнными извне по воле рока («судеб»), а атрибутом первой половины жизни:

...Любил я пышность в летах зрелых...

Но вместо счастья, дней веселых, / Заботы, скуку обретал;

Простился в старости с мечтою / И назвал пышность суетою... [6, с. 199].

Именно к «мечтаниям» причисляются пусть прекрасные, но заведомо неосуществимые общественные идеалы Просвещения, «преодолённые» сентиментализмом:

...И я мечтами обольщался – / Любил с горячностью людей,

Как нежных братьев и друзей... («Послание к Дмитриеву...», 1794) [6, с. 136];

...Свобода мудрая свята, / Но равенство одна мечта... («На торжественное коронавание... Александра I...», 1801) [6, с. 266].

В то же время в разряд юношеских «мечтаний» зачисляется и сама любовь – ранее противостоявшая им и обожествляемая сентиментализмом:

...Во цвете пылких, юных лет / Я нежной страстью услаждался;

Но ах! увял прелестный цвет, / Которым взор мой восхищался!

*...Осталась в сердце **пустота**, / И я сказал: "Любовь – **мечта!**"* [6, с. 199].

Ср. в элегическом послании Карамзина «К неверной» (1796):

...Ах! было время мне мечтать и заблуждаться:

... Киприда свой венок / Мне часто подавала... [6, с. 206].

Вместе с юношеской «мечтой» любви исчезает и рождаемая / питаемая ею «мечта» поэзии:

...Любви обязаны мы первыми стихами...

*Прощаясь с её эфирными мечтами,
Поэт и с музами прощается навек –
Или стихи его теряют цвет и сладость...* [6, с. 248].

Жалобы музам (в том числе в одноименной элегии М.Н. Муравьёва) состоят в том, что они покидают героя вместе с юностью и её «мечтами»: «... скорые года без пользы прокатились, / С мечтами вы ушли и вспять не возвратились!..» [7, с. 145] Впоследствии эти мотивы разовьются в программной элегии К.Н. Батюшкова «Мечта» (1802–1803): «Увы, но с юностью исчезнут и мечтанья, / Исчезнут граций лобызанья...» [2, с. 42].

Это готовит подспудный смысловой сдвиг. Ущербность старости состоит не в разочаровании в юношеских идеалах, оказавшихся «мечтой» (т. е. иллюзией), а в утрате самой способности мечтать, не отделимой от ключевой для сентиментализма способности чувствовать: «...мечтания, **чувствительности** глас... / ...Вместишь ли в сердце их, переступивши двадцать...» [7, с. 216–217]; ср.: «Увы! Несчастлив вовсе ты, / Когда не льстят уж и мечты!» [5, с. 293]

Именно «пустота» (а не альтернативные, подлинные ценности!), обретаемая в результате прощания с «мечтами» и «суетами» юности, отражает глубокую бытийную проблему позднего сентиментализма. У Карамзина проявлениями фундаментальной «пустоты» мира выступает эфемерность («мечтательность») его красот – в пространстве (привлекательное издали и ничтожное вблизи):

...Он в горести гласит: "О слава! ты мечта,

И лишь вдали твои призраки светозарны;

Теряется вблизи их блеск и красота... («Протей, или несогласия стихотворца», 1797) [6, с. 247],

– и во времени. Так, эфемерной оказывается женская красота, что и предопределяет принадлежность любовной «мечты» одной лишь юности:

...Как розы юные прелестны! / И как прелестна красота!

Но что же есть она? мечта, / Темнеет цвет её небесный,

Минута – и прекрасной нет! / Вздыхнув, любовник прочь идет... («Опытная Соломонова мудрость...») [6, с. 203].

«Мечтательность» любви, красоты и славы означает, что и «...Счастье – ложная мечта» («Куплеты из одной сельской комедии...», 1800) [6, с. 258].

Способность и свойство мира рождать соблазны – «мечты», влекущие человека, но заведомо недоступные ему и превращающие любое дело в «суету»: «...дети! вам отец... / Не показал всего здесь в зеркале сует, / Чтоб преждевременно не опостыл вам свет» [5, с. 274], – квалифицируется как роковая непознаваемость. Отсюда «мечтой» в той же «...Соломоновой

мудрости» Карамзин объявляет всю человеческую мудрость в принципе:

Искал я к истине пути, / Хотел узнать всему причину, –

Но нам ли таинств ключ найти, / Измерить мудрости пучину?

Все наши знания – мечта, / Вся наша мудрость – суета! [6, с. 199].

Отсюда и всякий стремящийся к этой «мудрости» перекалфицируется им в «мечтателя»:

...Для счастья веков трудись умом своим, –

В награду прослывьёшь мечтателем пустым... («Протей, или Несогласия стихотворца») [6, с. 248].

Иррациональность мира, не основанного на разумных началах и потому непостижимого разумом, делает неосуществимой «мечтой» и сам (рациональный, по сути) сентименталистский идеал:

...Прелестный домик сей вдали нас ожидает...

в нём буду жить с тобой / Или мечту сию... возьму я в гроб с собой («К Верной», 1796) [6, с. 211].

Это парадоксальным образом ведёт к барочному агностицизму, где самой реальности отказывается в её фундаментальном признаке именно по причине неполноценности. Она предстаёт фантомом человеческого «я», то есть, опять-таки «мечтой»:

...Рассудок говорит: “Всё в мире есть мечта!”

Увы! несчастлив тот... / Кому жестокий рок то опытом докажет... («К Неверной») [6, с. 205].

Потенциальным, а затем и реальным выводом становится понимание иного, горнего мира как всеобщей «мечты», которая осуществляется с кончиной: *«...Почтём мы жизнь и*

свет мечтою; / Что мы ни делаем, то сон...» [8, с. 90];

Мы видим счастья тень в мечтах земного света;

Есть счастье где-нибудь: нет тени без предмета.

... Здесь всё мечта и сон; но будет пробужденье!.. [6, с. 312]

Однако нарастающее чувство недостоверности пробуждения (см. подробнее [4, с. 72-73]) заставляет лирического героя любить и этот, несовершенный и эфемерный мир «сует»: *«...Сколько ни видим / В мире сует, / Не ненавижим – / Любим мы свет...»* [10, с. 113].

Это парадоксальным образом реабилитирует в поэзии Карамзина рокайльную и предромантическую сказочную поэзию – обольстительную «мечту» как убежища героя от жизни как «мечты» / химеры. Теперь он *«...Удовольствие находит / [...] В ... мечтах воображения...»* («Илья Муромец. Богатырская сказка», 1794) [6, с. 149]. Это воплощается в заповеди Карамзина «К бедному поэту» (1796):

... Мой друг! существенность бедна: / Играй в душе своей мечтами,

Иначе будет жизнь скучна... [6, с. 193]¹.

Это легло в основу «мечты» предромантизма. Прежде всего, она воплотится в упомянутой элегии Батюшкова, где поэтическая «мечта» по сути, творит другую жизнь – не менее реальную, чем химерическая эмпирика, но пленительную, в отличие от неё:

¹ Здесь же преимущество поэтической «мечты» / фантазии получает уже принципиально новое обоснование: желание / воображение более плодотворно, чем обладание:

...Избыток благ и наслажденья / Есть холодный гроб воображенья;

В мечтах, в желаниях своих / Мы только счастливы бываем... [6, с. 194].

...Мечтанье есть душа поэтов и стихов...

[...] Найдём ли в истинах мы голых
Печальных стойков и твёрдых мудрецов

Всю жизни бральной сладость? / От них эфирна радость

Летит, как бабочка от терновых кустов... [2, с. 42].

В подоплёке, очевидно, лежит эпикурейская реабилитация праздной «суеты» (развлечений) как альтернативы «пустой» социально-карьерной «суеты»:

...Впредь что будет, мы не знаем, / Что прошло – позабываем:

Настоящее для нас. / Презрим суетность земную,

Важность скучную, пустую; / Час веселья – сладкий час... [6, с. 132].

Фактически понятие «суеты» раздваивается. «Негативная» суета – это погоня за мнимыми (социальными) благами, то есть «труд»:

...Тщетно... / Ты кружишься средь сует:

Алчно сердце, век алкая, / Льстящий зрит вдали предмет.

Лучше ж, труд и попеченье / Брося, жить летящим днём... [5, с. 266].

Подлинная же «суета» означает как раз блаженное эпикурейство:

...Игры мечтания, которых суета
Имеет более цены и наслажденья,
Чем радости скупых, честолюбивых бденья

И света шумного весь блеск и пустота!.. [7, с. 236-238]

Для эпикурейца, живущего минутой, негативной и отвергаемой «суетой» оказывается и забота о будущем: «...Когда ты в радости сей день, / О завтрашнем не суетися...» [5, с. 148-150].

Именно в русле эпикурейства и анакреонтики М. Муравьев противопоставляет взрослой, карьерной «суетности» подлинно блаженные (то есть эпикурейские) суеты детства и юности:

Отдай мне суеты ребячества; доставь

Еще мне счастье зреть старинны басни въявь

И воздыхать ещё о нимфах и эротах... [7, с. 236–238].

Таким образом, переквалифицировав весь эмпирический мир в «мечту» и служащую ей «суету», сентиментализм, по сути, приходит к самоотрицанию. Он отвергает собственные идеалы – Природу и Любовь – и бросается в объятия «мечты» как пленительного самообмана ради забвения жизни как «мечты» / «пустоты».

Принципиальные шаги к преодолению этого бытийного тупика делает в своей поэзии Карамзин – сначала в упомянутом выше «Послании... Плещееву», а затем в стихотворном трактате «Дарования» (1796). В них последовательно снимается раздел мира на «цивилизацию» и «природу», что неизбежно переосмысляет взаимоотношения «мечты» и «суеты». В «Послании...» «свет» / цивилизация оказывается полем как «сует», так и противостоящих им эпикурейских радостей – «тихих», но подлинных, питающих «душу» и «ум», то есть частично вбирает в себя признаки сентименталистской природы:

...Но мы для света рождены, / Душой, умом одарены

И должны в нём, мой друг, остаться. / Чем можно, будем наслаждаться,

Как можно менее тужить, / Как можно лучше, тише жить,

*Без всяких суетных желаний, /
Пустых, блестящих ожиданий...* [6,
с. 144].

В «Дарованиях», отразивших энтузиазм первых месяцев правления Павла I, поэтическая «мечта», посланная человеку Богом, становится орудием рационального познания мира.

Во-первых, это гармонизирует отношения людей со временем. Мечта в своём первичном значении страстного желания осуществления чего-либо в будущем становится одной из ключевых форм рефлексии человеком своей жизни во времени:

*...Их прежде время угнетало, /
Теперь оно крылатым стало –*

*...Его ... желанье призывает, /
Его ... надежда озлащает*

И красят розою мечты... [6, с. 217].

При этом мечта «координируется» Карамзиным с другими формами как радостного, так и «сурового» восприятия человеком прошлого и будущего:

*...Ах! слабость жить мечтой, от
рока ожидать*

*Всего, что мыслям льстит, – надеяться,
бояться,*

От удовольствия и страха трепетать,

Слезами радости и скорби обливаться!.. («Протей...») [6, с. 245].

Во-вторых, поэзия как ключ познания человеком мира и самого себя ставит государство (одухотворённое в монархе) на фундамент его прежнего антипода, Природы. Это отождествляет государство с универсальным, высшим «благом» и обороняет от «сует»:

*...росс, царя усердно чтущий, /
С Природой, с музами живущий,*

Любитель блага, не сует... («На смерть князя Г.А. Хованского», 1796) [6, с. 190].

Поэтому и «свет», и подлинно «светское» (социальное) поприще становится неуязвимым для сует и ложных «мечтаний»:

*...Уже я вижу пред собой /
Весь путь, на коем знатность, слава*

*Тебя с дарами ждуют. Души твоей и
нрава / Ничто не пременит...*

*...Не ослепят тебя блестящие
мечты...* («На разлуку с П[етровым], 1791) [6, с. 104].

В то же время «сентименталистский» побег из мира цивилизации в мир природы уже отрицается как возможный источник «мечты» в значении дьявольского искушения человеческой гордыни – осмысленный уже не как **источник** «душевной пустоты», а как её **плод**:

*...Увы! Анахорет не будет /
В пустыне счастливее нас!*

*Хотя земное и забудет, /
Хотя умолкнет страсти глас*

*... Но сердце станет унывать, /
Не зная, чем ему заняться.*

*Тогда пустыннику явятся /
Химеры, адские мечты,*

Плоды душевной пустоты!.. («Послание к ...Плещееву») [6, с. 143].

Сами идеи бегства от цивилизации в мир природы как локуса «золотого века» теперь оцениваются Карамзиным как непредсказуемый и сменяемый плод поэтической «мечты»:

...Гуляя, видит он Природы красоты,

*Нимф сельских хоровод, играющих,
поющих,*

*Тогда в душе его рождаются мечты /
О веке золотом...* («Протей...») [6, с. 243].

Как видим, взаимосвязи и противопоставления «мечты» и «суеты» в поэтической картине мира Карам-

зина отразили эволюцию отношений сентиментализма с его просветительским «первоисточником». Сделав их ключевыми признаками отвергаемой «цивилизации» («света»), сентиментализм распространил их на мир в целом, включая обожествляемые им прежде Природу и любовь. Сделав поэтическую «мечту» орудием постижения природы, поздний сентиментализм превратил последнюю из антипода цивилизации в её источник. Соответственно, «мечта», наоборот, превратилась из спутника «суеты» в её антипод.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатова Т.А. Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования. М.: МГОУ, 2012. 560 с.
2. Батюшков К.Н. Сочинения. М.: ГИХЛ, 1955. 452 с.
3. Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1967. 502 с.
4. Иваницкий А.И. «Свет» как мир и «свет» как общество в поэзии Н.М. Карамзина: механизм эволюции значений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 3. С. 69-76.
5. Капнист В.В. Избранные произведения. Библиотека поэта. Л.: Советский писатель, 1973. 614 с.
6. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. М.-Л.: Художественная литература, 1966. 424 с.
7. Муравьев М.Н. Стихотворения. Библиотека поэта. 2-е издание. Л., 1967.
8. Сумароков А.П. Избранные произведения. Библиотека поэта. 2-е издание. Л.: Советский писатель, 1957. 607 с.
9. Хемницер И.И. Полное собрание стихотворений. М.-Л.: Советский писатель, 1963. 380 с.
10. Херасков М.М. Избранные произведения. М.-Л.: Советский писатель, 1961. 408 с.

REFERENCES:

1. Alpatova T.A. *Proza N.M.Karamzina: poetika povestvovaniya* [Prose of N. Karamzin: the poetics of narrative]. Moscow, MGOU Publ., 2012. 560 p.
2. Batyushkov K.N. *Sochineniya* [Works]. Moscow, GIKHL Publ., 1955. 452 p.
3. Dmitriev I.I. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete collection of poems]. L., Sovetskii pisatel' Publ., 1967. 502 p.
4. Ivanitskiy A.I. "Svet" as world and "svet" as society in N. Karamzin's poetry: mechanism of the evolution of meanings. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2017, no. 3, pp. 69-76.
5. Kapnist V.V. *Izbrannye proizvedeniya. Biblioteka poeta* [Selected works. The poet's library]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1973. 614 p.
6. Karamzin N.M. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete collection of poems]. Moscow-Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1966. 424 p.
7. Murav'ev M.N. *Stikhotvoreniya. Biblioteka poeta* [Poems. The poet's library]. 2nd ed. Leningrad, 1967.
8. Sumarokov A.P. *Izbrannye proizvedeniya. Biblioteka poeta* [Selected works. The poet's library]. 2nd ed. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1957. 607 p.
9. Khemnitser I.I. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete collection of poems]. Moscow-Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1963. 380 p.
10. Kheraskov M.M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow-Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1961. 408 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иваницкий Александр Ильич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных наук им. Е.М. Мелетинского РГГУ;
e-mail: meisster@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr I. Ivanitskiy – Doctor in Philological Sciences, Senior Researcher at Meletinskiy Institute of the Humanitarian Studies, Russian State University for the Humanities;
e-mail: meisster@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иваницкий А.И. Мечта и суета в поэзии русского сентиментализма: логика схождения и расхождений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 87-95.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-87-95

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

A. Ivanitskiy. “Dream” and “Vanity” in the Russian Sentimental poetry: logic of the convergence and divergence. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 4, pp. 87-95.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-87-95